

ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ MIGRATION PROBLEMS

Оригинальная статья / Original article

Нелиберальная модель регулирования нелегальной трудовой иммиграции в странах Персидского залива

© Н.А. ЖЕРЛИЦЫНА

Жерлицына Наталья Александровна, Институт Африки РАН (Москва, Россия), ns_inafr@mail.ru.
ORCID:0000-0001-8647-9419

На основе документов и статистики миграции Исследовательского центра Персидского залива, Всемирного банка, ООН и Всемирной организации труда рассмотрен подход к регулированию нелегальной трудовой миграции в странах Персидского залива. Применены системный, институциональный и сравнительный методы, а также политологический анализ. Показано, что регион Персидского залива – крупнейший рынок труда мигрантов в истории и эпицентр миграции в направлении ЮГ–ЮГ. Все шесть богатых нефтяных государств Персидского залива имеют общие черты как миграционные рантье, которые создают особую – нелиберальную – модель регулирования нелегальной иммиграции. Ее отличает всеобъемлющее сегментированное отчуждение мигрантов. Государства поддерживают режим исключительного гражданства, практически не предоставляя мигрантам возможность натурализации. Сформулирован вывод, что правительства стран Персидского залива отказались от классической интеграционной стратегии по отношению к мигрантам. Современные реалии убеждают в актуальности нелиберального подхода к управлению миграцией в других регионах мира.

Ключевые слова: Персидский залив, миграция, трудовые права, дискриминация, диверсификация миграции, национализация рабочей силы

Цитирование: Жерлицына Н.А. (2024) Нелиберальная модель регулирования нелегальной трудовой иммиграции в странах Персидского залива // Общественные науки и современность. № 6. С. 57–67. DOI: 10.31857/S0869049924060041, EDN: JBYTAT

The Illiberal Model of Regulating Illegal Labor Immigration in the Persian Gulf States

© N.A. ZHERLITSINA

Natalia A. Zherlitsina, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia),
ns_inafr@mail.ru. ORCID: 0000-0001-8647-9419

Abstract. Based on migration statistics and documents from the Gulf Research Center, the World Bank, the UN, and the World Labor Organization, the approach to regulating illegal labor migration in the Gulf countries is studied. Systemic, institutional, and comparative methods, as well as political science analysis, are used. It is shown that the Persian Gulf region is the largest migrant labor market in history and the epicenter of South–South migration. All six rich oil states of the Persian Gulf have common features as migration rentiers, which create a special – illiberal – model of regulating illegal immigration. It is distinguished by a comprehensive segmented alienation of migrants. States maintain a regime of exclusive citizenship, practically not providing migrants with the opportunity to naturalize. It is concluded that the governments of the Persian Gulf countries have abandoned the classical integration strategy in relation to migrants. Modern realities convince of the relevance of the illiberal approach to migration management in other regions of the world.

Keywords: Persian Gulf, migration, labor rights, discrimination, diversification of migration, nationalization of labor

Citation: Zherlitsina N.A. (2024) The Illiberal Model of Regulating Illegal Labor Immigration in the Persian Gulf States. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 57–67. DOI: 10.31857/S0869049924060041, EDN: JBYTAT (In Russ.)

Под эгидой международного либерализма миграция стала третьим столпом глобализации наряду с торговлей и финансами. В 1990-х гг., когда глобализация уже приобрела черты очевидной экономической реальности, сторонники либерального пути развития выдвинули гипотезу о том, что рост незаконной или нерегулируемой миграции стал одним из многих симптомов ослабления государственного суверенитета [Menz 2011, Milanovic 2016]. Они размышляли о том, как скоро возникнет всеобщий режим, при котором международные соглашения и конвенции, а также права, приобретенные мигрантами, постепенно заменят государства в контроле за иммиграцией. Доказывая, что нелегальные мигранты должны пользоваться рядом неотъемлемых прав, правозащитники в принимающих странах на Западе начали защищать эту растущую категорию приезжих. Однако два десятилетия спустя оптимизм сменился разочарованием. Нелегальная миграция распространялась за пределы промышленно развитого мира и в настоящее время характерна практически для всех стран – как развитых, так и развивающихся. Помимо внутренней политики, нелегальная миграция оказывает влияние и на международные отношения. Сегодня большинство правительств мира солидарны в том, что международная миграция порождает множество экономических и гуманитарных проблем, угроз безопасности для принимающих государств.

В современном мире сложилось несколько моделей отношения государств к миграции – от самых либеральных, таких, например, как в Канаде, до нелиберальных, как в странах Персидского залива, которые проводят жесткую политику в отношении иммигрантов, обозначенную как «современный эквивалент кабального рабства» [Adamson, Tsourapas 2020, 855].

Специфика миграции в странах Персидского залива

Миграция в странах Персидского залива возникла в контексте особого типа государства – государства, которое распределяет нефтяную ренту между гражданами в обмен на политическую лояльность, согласие с политикой свободной торговли и невмешательства в экономику. Особенно важно, что численность трудящихся-мигрантов может превышать здесь численность граждан. В богатых нефте- и газодобывающих странах Персидского залива – Бахрейне, Кувейте, Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратах, Катаре и Омане – проживает самое большое количество (относительно численности местного населения) иностранцев в мире. Поскольку большинство иностранных работников приезжают из развивающихся стран, государства Персидского залива стали эпицентром миграции в направлении Юг–Юг [Маценко 2019, 24]. Страны Персидского залива – заветная цель для приезжих из крупных государств Южной Азии, таких как Индия, Пакистан, Бангладеш и Филиппины, а также с Арабского Востока – из Египта, Иордании, Ливана и Йемена. Иностранные составляют 68% рабочей силы в странах Персидского залива и 40% общей численности населения в Бахрейне, Омане и Саудовской Аравии, до 80% в Катаре, Кувейте и ОАЭ. Численность иностранной рабочей силы колеблется в пределах от 70 до 90%, причем среди занятых неквалифицированным трудом (строительство, ручной труд) около 95% составляют иностранцы. Приезжие из Индии, Пакистана и Египта, как правило, работают в строительстве и других сферах приложения низкоквалифицированного труда, а иммигранты из Юго-Восточной Азии лидируют в сфере услуг. Так, в строительстве занято до 28% иммигрантов, в оптовой и розничной торговле около 16%, в сфере производства – более 12%. Доля иммигрантов среди домашней прислуги – 30%, например, в Кувейте около 60% приезжих женщин работают горничными¹.

Учитывая эти цифры, государства Персидского залива можно назвать «странами иммигрантов», где под влиянием массовых людских потоков из других регионов возникают новые социальные реалии. Речь идет о так называемых дуальных обществах [Fargues, Bel-Air 2015, 141], в которых граждане и неграждане экономически и юридически разделены. У граждан самый низкий в мире уровень экономического участия, они почти незаметны на рынке труда за пределами государственного сектора. Неграждане, напротив, имеют самый высокий в мире уровень экономического участия и заполняют почти все рабочие места в частном секторе.

Неграждане располагают лишь ограниченным доступом к основным правам, в том числе трудовым, зачастую они не имеют права привезти с собой семью. Возможности получить гражданство через натурализацию крайне ограничены, а в некоторых странах залива вообще отсутствуют. Более того, в соответствии с местными законами дети мигрантов, родившиеся и выросшие в странах Персидского залива, остаются негражданами [Gibney 2009, 53]. Учитывая численность приезжих относительно местного населения, власти государств Залива рассматривают предоставление мигрантам гражданства как тройную угрозу. Во-первых, это угроза культурной самобытности, ведь мигранты привносят в общество чуждые ценности. Во-вторых, это риск нарушения социальной сплоченности, так как именно мигранты составляют местный рабочий класс с его потенциалом политического протеста. В-третьих, это угроза социальному благополучию местного сообщества, поскольку в случае натурализации переселенцы могли бы претендовать на социальные пособия от государства. Поэтому в странах Персидского залива никогда не ставили задачу интегрировать мигрантов, напротив, постоянная цель местных прави-

¹ Gulf Labour Markets, Migration, and Population. 2022. (<https://gulfmigration.grc.net/>).

тельств в течение последней четверти века – сокращение их численности. До сих пор эта цель не достигнута, и доля неграждан во всех шести государствах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) только растет.

Изучение процессов миграции в странах Персидского залива осложнено тем, что иностранцев в этом регионе называют «иностранными рабочими» или «экспатриантами», а не «иммигрантами». Это обозначение предполагает ограниченное время пребывания в «транзитных государствах» Персидского залива. Действительно, у мигрантов мало перспектив для формальной интеграции в этих странах из-за дискриминационных режимов гражданства в сочетании с политикой и практикой исключения [Jamal 2015, 627–629]. Государства залива, как и другие страны Ближнего Востока, не являются участниками Женевской конвенции 1951 г., которая обеспечивает защиту законным беженцам и вынужденным переселенцам. В результате палестинцы с 1949 г., эритрецы в 1980-х гг., иракцы после 2003 г. и сирийцы с 2011 г. переезжали в страны Персидского залива, оставаясь без должной правовой защиты.

Истоки миграции и ее трансформация в XX в.

На протяжении всей своей истории благодаря стратегическому положению на перекрестке торговых и морских путей регион Персидского залива был привлекательным для переселенцев. Портовые города Манама, Кувейт и Дубай притягивали моряков и купцов с противоположной стороны Индийского океана задолго до открытия месторождений нефти. В XIX в. мигранты из Индии, Ирана и других стран Востока стекались в прибрежные города залива для торговли и добычи жемчуга. После обнаружения нефти в 1930-х гг. экономические мигранты стали составлять значительную долю городского населения портовых городов: иностранная рабочая сила была востребована в добыче нефти, на производстве и в строительстве [The Persian Gulf 2014, 259–267].

Коренные социальные, экономические и политические сдвиги в регионе начались в 1960-х и 1970-х гг. благодаря нефтяному буму, росту доходов от нефти и запуску крупномасштабных инфраструктурных проектов, которые требовали рабочей силы, превышавшей местные возможности. Численность рабочих-экспатриантов начала расти. В 1950-х и 1960-х гг. трудовые мигранты в странах Персидского залива были преимущественно арабами, но с 1970-х гг. предпочтение стали отдавать приезжим из азиатских стран. Доля арабов в рабочей силе стран Персидского залива сократилась с 72% в 1975 г. до 32% в начале 2000-х гг. [Kapiszewski 2006, 9]. Поворот к индийским, пакистанским и бангладешским работникам был обусловлен тем фактом, что нанимать азиатов дешевле, их легче увольнять и, как считалось, ими легче управлять. Не менее важно, что выходцы из азиатских стран представляют меньшую политическую угрозу для монархий династий стран залива, в то время как арабы традиционно политически активны и вовлечены во внутриарабские и региональные конфликты. Были введены более жесткие ограничения на палестинскую рабочую силу, многочисленные палестинские и йеменские мигранты были высланы из Саудовской Аравии, где доля арабов в иностранном населении сократилась с 91% в 1975 г. до 33% в 2004 г. [Kapiszewski 2006, 8]. В отличие от арабов, азиатские рабочие далеки от политики, в немалой степени из-за языковых барьеров. Они политически бесправны, их легче отделить от местного населения и заменять каждые несколько лет, что снижает политические угрозы.

К началу 1980-х гг. регион Персидского залива стал крупнейшим рынком труда мигрантов в истории. Это было связано со значительным скачком спроса на нефть в связи с модернизацией экономики развитых стран: цена на арабскую нефть возросла с 1970 по

1979 г. в 11 раз. В 1985 г. общая численность рабочей силы в странах Персидского залива составляла 7,1 млн человек, из которых 5,5 млн были иностранцами [Birks, Seccombe, Sinclair 1988, 267]. Политический кризис 1991 г. – война в Персидском заливе – способствовал ужесточению государственной политики в отношении миграции из-за опасений проникновения нелояльных элементов и последующей внутренней дестабилизации. Правительства стран Персидского залива начали строже контролировать фирмы, рекрутинговые агентства и других участников рынка труда [Van Hear 1993, 68]. Такой «суворенный поворот» привел к введению более жестких норм и законов, регулирующих миграцию в регионе. Эта тенденция стала еще более явной после революционной волны «Арабской весны», начавшейся в 2011 г. Миграционную политику стран ССАГПЗ переориентировали на диверсификацию импорта рабочей силы, чтобы уменьшить зависимость от направляющих стран и снизить риск формирования крупных и политически активных иностранных сообществ. В 2013 г. власти Саудовской Аравии, реагируя на революцию и гражданскую войну в соседнем Йемене, выслали 600 тыс. нелегальных иммигрантов-иеменцев [Tsourapas 2018, 386].

Стратегия диверсификации импорта рабочей силы была эффективной лишь отчасти, поскольку невозможно в короткие сроки полностью избавиться от нелегальных иммигрантов. В конце концов эти попытки привели к новой поляризации миграционных систем стран Персидского залива: Южная и Юго-Восточная Азия превратились в основной источник иммигрантов в регионе, начали возникать новые отраслевые зависимости для низкоквалифицированных и высококвалифицированных рабочих мест [Gardner 2008, 69]. В 2015 г. индийцы стали крупнейшим сообществом экспатриантов в ОАЭ и Катаре. Миграционный бум из Азии привел к тому, что пакистанские таксисты заменили египтян и иракцев, в большом количестве прибывали индийские специалисты по компьютерным технологиям, филиппинские медсестры пришли на место австралийских, горничные приезжали из Индонезии, а не из Эритреи или Эфиопии, а строительный сектор заполнили китайские компании [Мелкумян 2020, 48]. В странах, входящих в Совет сотрудничества стран Персидского залива, проживает около 30 млн мигрантов, которые составляют основу экономики стран региона. По оценкам программы «Рынки труда и миграция Персидского залива», потребность в мигрантах, особенно в частном секторе, чрезвычайно высока и сохранится в ближайшие годы.

Миграционная взаимозависимость монархий Персидского залива и азиатских стран исхода привела как к усилению многостороннего сотрудничества, так и к дипломатической напряженности. Диалог в Абу-Даби, начатый в 2008 г. с целью улучшить управление трудовой миграцией в коридоре Азия – Персидский залив, был организован под эгидой Международной организации по миграции и Международной организации труда². Международные НПО все активнее настаивают на принятии законодательных норм о правах мигрантов. Конфликты между отправляющими и принимающими странами участились, во многих случаях они связаны с переговорами об установлении минимальной заработной платы для иностранцев в государствах Персидского залива. Уровень заработной платы мигрантов – ключевая переменная, которая определяет объем денежных переводов, отправляемых в страны происхождения, многие из которых в значительной степени зависят от поступлений из-за рубежа. В 2000-х гг. страны Персидского залива стали крупнейшим источником денежных переводов в Индию, Пакистан, Бангладеш и на Филиппины. Из общей суммы денежных переводов в эти страны в размере 98 млрд долл. США 72 млрд

² Abu Dhabi Dialogue on Contractual Labour for Cooperation between Countries of Origin and Destination in Asia. 28 January 2008. (https://www.ilo.org/global/topics/forced-labour/news/WCMS_090660/lang--en/index.htm).

поступили из стран Персидского залива³. Азиатские государства стремятся обеспечить каналы эмиграции и денежные поступления, но также обеспокоены безопасностью своих граждан. Они неоднократно прибегали к так называемым миграционным запретам против монархий Персидского залива, чтобы заявить о недопустимости жестокого обращения с иностранными работниками и оказать давление на принимающую сторону с целью улучшить условия их труда и повысить заработную плату. Так, в 2011 г. Индонезия выразила протест против жестокого убийства индонезийской горничной, объявив о запрете на эмиграцию в Саудовскую Аравию женщин, работающих домашней прислугой. Правительство Саудовской Аравии ответило запретом на всю трудовую миграцию из Индонезии. Аналогичные кампании развернули Филиппины – против Саудовской Аравии в 2012 г. и Кувейта в 2016 г. Непал запретил миграцию женщин в страны Персидского залива (2012 г.), а правительство Индии – эмиграцию работниц моложе тридцати лет. Как правило, после подобных демаршей приступают к двусторонним переговорам с целью защищать гражданские и трудовые права мигрантов. В ходе переговоров между Кувейтом и Филиппинами после убийства филиппинской горничной в 2016 г. кувейтский парламент пошел на уступки и установил минимальную заработную плату для филиппинских горничных [South Asian Migration 2016, 54].

Управление миграцией через государственные и социальные институты

Управляют миграцией в странах Персидского залива различные частные и государственные учреждения. С одной стороны, государственная политика и государственные органы исторически определяли правовой контекст, препятствуя натурализации и интеграции приезжих, а в последнее время они еще и стремятся контролировать рынок труда путем национализации ключевых отраслей промышленности или фирм. С 1990-х гг. к мигрантам применяют ограничительные правовые меры и методы принуждения, такие как массовая депортация. С другой стороны, частные субъекты миграционной сферы, местные рынки труда и посредники формируют сильно сегментированные рынки труда и устанавливают иерархию между мигрантами и гражданами, а также между группами мигрантов. В странах Персидского залива эти меры создают прочные границы как между местными жителями, так и между иностранцами, поскольку они подкреплены государственной политикой.

Однако миграционное управление в Персидском заливе не исчерпывается дилеммой частного и государственного. На фоне авторитарного монархического правления важную роль играют сети покровительства, которыми управляют как этнические кланы (племена и расширенные семьи), так и торговые компании [Joppke 2017, 391]. Правящие элиты поддерживают свою власть благодаря государственной политике. Последняя включает освобождение от налогов и меры социального обеспечения в сочетании с идеологическим и религиозным контролем и периодическими репрессиями. Реформы, начатые в 1990-х гг., формально вовлекли государство в управление миграцией посредством полицейской практики, которая усиливает дискриминацию мигрантов, а также противоречия между различными их группами. Эти политические изменения иллюстрируют действие нелиберальных подходов в отношении миграции.

Надо сказать, что государства Персидского залива имеют общие черты как миграционные рантье, и на этой основе возникает модель управления миграцией в этом регионе. Пер-

³ Migration in the Gulf: Balancing cultural and economic needs. WorldBank. 2022. (<https://www.worldbank.org/en/search?q=migration+Gulf+¤tTab=1>).

вая общая черта – всеобъемлющее дифференцированное (сегментированное) отчуждение приезжих. Государства поддерживают режим исключительного гражданства, практически не допуская натурализацию неграждан. Мигрантов формально и неформально ущемляют при жилищном регулировании и с точки зрения доступа к программам социального обеспечения и государственным услугам. В результате их превращают в «исключенные предметы первой необходимости» [The Global Color Line 1999, 226], их эксплуатируют как работников, они полезны как потребители, но на них не распространена политика государства-рантье.

Вторая характерная черта отношения стран Персидского залива к миграции – парадоксальная космополитическая динамика в условиях исключения. Этнически разнообразные общины иностранцев проживают в регионе десятилетиями, формируют среду и социальные отношения в городах Персидского залива, но при этом отчуждены от граждан принимающих стран.

Третья общая черта модели миграционной политики региона – использование не только государственных мер, но и социальных институтов, регулирующих рынок труда, формирующих жизнь, практику и культуру иммигрантов. Один из наиболее характерных – система спонсорства, по-арабски кафала. Это центральный институт управления миграцией в Персидском заливе. Несмотря на некоторые различия в законодательствах стран региона, основные элементы схожи: иностранные граждане должны иметь местных спонсоров для получения вида на жительство и разрешения на работу. Спонсоры выступают в качестве гаранта и единственного работодателя. Система спонсорства стала общепринятой к концу 1960-х гг., в 1975 г. она была окончательно кодифицирована в поправке к Закону о проживании иностранцев. К 1980-м гг. все иностранцы, происходящие из государств, не входящих в ССАГПЗ, должны были находиться под опекой частного гражданина или частного или государственного учреждения. Система спонсорства задумывалась для того, чтобы численность приезжих работников не превышала количество рабочих мест, а также чтобы гарантировать, что мигранты лично связаны с национальным спонсором и останутся в стране только до тех пор, пока они работают [Longva 1999, 21].

Систему кафала можно описать как способ, с помощью которого государство делегирует гражданам контроль за миграцией. Иностранные предприниматели, сами спонсируемые местными жителями, могут быть спонсорами соотечественников или других иностранных граждан. С 1980-х гг. кафала эволюционировала: если прежде ее в основном контролировали отдельные работодатели, то теперь она в значительной мере связана с крупными рекрутинговыми компаниями. Это ослабило социальную солидарность, которую создавала система, и открыло простор для массовой эксплуатации [Lori 2012, 16]. Кафала работает как институт, нацеленный на получение ренты в политиях нефтяных рантье, что приводит к возникновению «миграционных рантье», поскольку граждане и национальная экономика поддерживают благосостояние за счет мигрантов. Эта система стала инструментом демонстрации политического превосходства граждан – численного меньшинства в большинстве стран ССАГПЗ – над иностранцами.

Систему кафалы постоянно критикуют специалисты и правозащитники, утверждая, что она противоречит основным принципам рыночной экономики, поскольку препятствует двум фундаментальным требованиям – свободной мобильности рабочей силы и свободному предпринимательству. Спонсорство создает рынок труда, который никак нельзя назвать свободным: трудящиеся-мигранты связаны с работодателями условиями пребывания в стране, которое обычно длится два года. Это способствует глубокому неравенству между работником и работодателем. В страны Персидского залива большинство мигрантов попадает легальным путем, однако стесняющие условия работы на спонсора

вынуждают их нарушать закон и становиться нелегалами [Neha Vora 2013, 64]. Работники-мигранты практически не прибегают к какой-либо защите закона. Любая жалоба на жестокое обращение со стороны работодателя или вербовщика может привести к высылке, поэтому большинство тех, кто не имеет документов, избегают контактов с государством. Рост доли нелегальных мигрантов среди приезжих во многих странах удобен для капитала, он четко коррелирует с тенденцией отхода от стабильности к гибкости в трудовых отношениях. Нелегалы максимально мобильны, лишены каких-либо социальных льгот и представляют собой «одноразовый актив».

Одна из основных практик, лежащих в основе нелегальной миграции, – продажа виз спонсорами стран Персидского залива потенциальным мигрантам, которых они не собираются трудоустраивать. Эта практика широко известна как «торговля визами». Спрос на рабочие визы среди жителей направляющих стран превышает их доступное предложение. Граждане или организации, торгующие рабочими визами, привозят иностранцев в страну и спонсируют их, но не нанимают, т.е. мигранты «свободны» в поиске и смене работы при условии, что они продолжают платить взнос спонсору. Бесплатными визами легально торгуют кадровые агентства как в странах происхождения, так и в принимающих странах, но как только покупатель визы решит сменить работу, ему или ей может грозить депортация. Правовой статус владельца свободной визы – это серая зона, где правят принуждение и властные отношения [Rahman 2010]. Трудовые нормы и законы, принятые для усиления контроля над трудящимися-мигрантами и нацеленные на неформальные практики, парадоксальным образом породили нарушения. Так, жесткость системы кафала создала стимулы для ухода от контроля и повысила привлекательность «свободного работника». На незаконном или полузаikonном рынке труда это обеспечивает гибкость и снижает затраты на трудоустройство как для работников, так и для работодателей. В последние годы нелегальные иммигранты в каждой стране ССАГПЗ составляли по меньшей мере 10% от общей численности населения или 15% от общей численности работников, причем, по имеющимся данным, в Саудовской Аравии их насчитывается почти 700 тыс. человек.

Правозащитники критикуют кафалу как механизм эксплуатации мигрантов, форму квазирабства или как систему, позволяющую извлекать финансовую ренту из труда мигрантов. Однако звучит и критика «справа» – в связи с ослаблением государственного контроля над иммигрантами, а не за его усиление. Все это возможно потому, что регулирование трудовых отношений государство делегировало социальным посредникам.

Правительства стран Персидского залива предприняли попытку реформировать систему кафала еще в 1990-х гг., но реформы не имели большого успеха, поскольку встретили сильное сопротивление со стороны граждан и бизнес-сектора, в частности в Катаре и Бахрейне. Эти участники рынка выигрывают в финансовом и социальном плане при системе, которая удерживает иностранцев в положении зависимости, не теряя доходы и привилегированное положение.

Перспективы решения проблемы миграции в регионе

Правительства стран Персидского залива видят решение проблемы миграции в замене иностранных работников в среднесрочной и долгосрочной перспективе. С 2011 г. Саудовская Аравия ввела программы по сокращению численности экспатриантов в частных фирмах и предоставлению субсидий на заработную плату для собственных граждан в частных компаниях [Lori 2011, 329]. В ОАЭ граждане, работающие в частных компаниях, по закону имеют право на те же пособия по социальному обеспечению, что и государ-

ственными служащие, кроме того, они получают дополнительные пособия. Правительства стран Персидского залива увеличили налоги на иностранную рабочую силу, повысив плату за вид на жительство и ужесточив получение разрешения на работу для иностранцев. На компании, которые не выполняют требования о национализации своего персонала, налагаются штрафы. Политика в области заработной платы сочетает экономические стимулы с финансовыми и правовыми ограничениями. В Саудовской Аравии, например, правительство путем государственных субсидий повышает заработную плату гражданам, чтобы снизить экономическую мотивацию компаний нанимать более дешевых иностранных работников. Эта тактика не привела к полному замещению иммигрантов в частном секторе, но принесла политические выгоды, ослабив протестный потенциал граждан во время «Арабской весны».

Что касается признания трудовых прав мигрантов, то под международным давлением в сочетании с желанием государств ССАГПЗ повысить свои доходы на глобальном рынке был принят ряд соответствующих мер: ограничена максимальная продолжительность рабочего времени, введено обязательное страхование работников, ограничена плата за найм, а кое-где установлена минимальная заработка плата. В то же время эти реформы институционализировали неравенство, исключив почти 3,5 млн домашних работников из сферы действия трудового законодательства. Этот правовой пробел в сочетании с полномочиями, предоставленными работодателям и спонсорам домашнего труда, создал правовую и материальную основу для эксплуатации. Задержка, неуплата или недоплата оговоренного вознаграждения за труд, удержание паспортов в принудительных целях, отсутствие социального страхования и доступа к медицинскому обслуживанию – частые случаи нарушения прав низкоквалифицированных работников-мигрантов.

* * *

Глобальный миграционный кризис 2015 г. имел своим следствием возрастающее неприятие миграции правительствами разных стран и общественным мнением. Вследствие возросших трудностей с получением виз и продлением истекающих разрешений на пребывание нелегальная миграция стала одной из главных проблем глобальной повестки дня. Обнаружение, задержание и депортация нелегальных мигрантов – обычная практика в государствах Персидского залива. Модель регулирования нелегальной трудовой иммиграции в этом регионе кажется основанной на чрезвычайно специфических социально-экономических и политических условиях монархий-рантье, но реалии современного мира говорят об актуальности нелиберального подхода к управлению миграцией. Эту модель отличает всеобъемлющее сегментированное отчуждение мигрантов, отсутствие возможности натурализации, использование социальных институтов для регулирования приема иностранцев.

Некоторые из этих подходов востребованы либеральными демократиями в Европе и Северной Америке, поскольку разрыв между предпочтениями бизнеса и правительства или между общественным мнением и жесткой миграционной политикой сокращается, что приводит к сближению антииммигантской политики и практики.

Подход, практикуемый ССАГПЗ в отношении трудящихся-мигрантов, преследует противоречивые цели: с одной стороны, привлечь больше местных жителей на работу в частный сектор, с другой стороны, улучшить условия труда и жизни мигрантов. Правительства стран Персидского залива не приняли модель интеграции мигрантов в условиях открытых рынков, в соответствии с которой часть вновь прибывших и их дети постепенно становятся полноправными членами принимающего общества. В настоящее время в реги-

оне поставлена цель сократить зависимость от трудящихся-мигрантов путем национализации рабочей силы. Такие меры, как полная занятость граждан, в том числе в частном секторе, налогообложение доходов и изменение системы кафалы в будущем должны привести к сдвигу в политической культуре стран Персидского залива – от государства-рантье к производительной модели.

Поощрение двустороннего подхода к управлению миграцией и более тесное сотрудничество между государствами Персидского залива и странами происхождения трудящихся-мигрантов в вопросах, связанных с миграцией и занятостью, могли бы способствовать сдерживанию нелегальной миграции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Маценко И.Б. (2019) Трудовой потенциал в Африке: состояние и перспективы развития // Ученые записки Института Африки РАН. № 3 (48). С. 18–29.
- Matsenko I.B. (2019) Labor potential in Africa: the state and prospects of development. Scientific notes of the Institute for African Studies of the RAS, no. 3 (48), pp. 18–29. (In Russ.)
- Мелкумян Е.С. (2020) Султанат Оман – КНР: стратегическое партнерство // Азия и Африка сегодня. № 12. С. 46–50.
- Melkumyan E.S. (2020) Sultanate of Oman – China: Strategic partnership. *Asia and Africa today*, no. 12, pp. 46–50. (In Russ.)
- Adamson F., Tsourapas G. (2020) The Migration State in the Global South: Nationalizing, Developmental, and Neoliberal Models of Migration Management. *International Migration Review*, no. 53 (3), pp. 853–882.
- Birks J.S., Seccombe I.J., Sinclair C.A. (1988) Labour Migration in the Arab Gulf States: Patterns, Trends and Prospects. *International Migration*, no. 26 (3), pp. 267–286.
- Fargues Ph., Bel-Air F. (2015) *Migration to the Gulf States: The Political Economy of Exceptionalism. Global Migration: Old Assumptions, New Dynamics*. Ed. by Arcarazo D.A. and Wiesbrock A. Santa Barbara, CA: Praeger. Pp. 139–166.
- Gardner A.M. (2008) Strategic Transnationalism: The Indian Diasporic Elite in Contemporary Bahrain. *City and Society*, no. 20 (1), pp. 54–78.
- Gibney M. (2009) Statelessness and the Right to Citizenship. *Forced Migration Review*, no. 32, pp. 50–51.
- Jamal M.A. (2015) The «Tiering» of Citizenship and Residency and the «Hierarchization» of Migrant Communities: The United Arab Emirates in Historical Context. *International Migration Review*, no. 49 (3), pp. 601–632.
- Joppke Ch. (2017) *Citizenship in Immigration States. The Oxford Handbook of Citizenship*. Ed. by Shachar A., Baubock R., Bloemraad I., Vink M. Oxford: Oxford University Press. Pp. 385–406.
- Kapiszewski A. (2006) *Arab versus Asian Migrant Workers in the GCC Countries*. Beirut: United Nations Secretariat. 25 p.
- Longva A.N. (1999) Keeping Migrant Workers in Check: The Kafala System in the Gulf. *Middle East Report*, no. 211, pp. 20–22.
- Lori N. (2011) National Security and the Management of Migrant Labor: A Case Study of the United Arab Emirates. *Asian and Pacific Migration Journal*, no. 20 (3–4), pp. 315–337.
- Lori N. (2012) *Temporary Migrants or Permanent Residents?* The Kafala System and Contestations over Residency in the Arab Gulf States. Center for Migrations and Citizenship. Institut Francais des Relations Internationales. November. 20 p.

- Menz G. (2011) *Neo-Liberalism, Privatization and the Outsourcing of Migration Management: A Five-Country Comparison*. *Competition and Change*, no. 15 (2), pp. 116–135.
- Milanovic B. (2016) *Global Inequality: A New Approach for the Age of Globalization*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 320 p.
- Neha Vora. (2013) *Impossible Citizens: Dubai's Indian Diaspora*. Durham, NC, and London: Duke University Press. 264 p.
- Rahman A. (2010) *Migration and Human Rights in the Gulf. Migration and the Gulf*. February, 16–18. Washington, DC: Middle East Institute. 2 February.
<https://www.mei.edu/publications/migration-and-human-rights-gulf>
- South Asian Migration to Gulf Countries. History, Policies, Development*. (2016) Ed. by Prakash Jain C., Ginu Z.O. Routledge, India. 328 p.
- The Global Color Line: Racial and Ethnic Inequality and Struggle from a Global Perspective. Research in Politics and Society*. (1999) Ed. by Batur-Vanderlippe P. Greenwich, CT: JAI Press. 408 p.
- The Persian Gulf in Modern Times*. (2014) Ed. by L. Potter. New York: Palgrave McMillan. 393 p.
- Tsourapas G. (2018) Labor Migrants as Political Leverage: Migration Interdependence and Coercion in the Mediterranean. *International Studies Quarterly*, no. 62 (2), pp. 383–395.
- Van Hear N. (1993) *Mass Flight in the Middle East: Involuntary Migration and the Gulf Conflict, 1990–1991. Geography and Refugees: Patterns and Processes of Change*. Ed. by Black R., Robinson V. London: Belhaven. Pp. 64–84.

Информация об авторе

Жерлицына Наталья Александровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН. Адрес: 123001, Россия, Москва, Спиридовонка ул., д. 30/1. E-mail: ns_inafr@mail.ru

About the author

Natalia A. Zherlitsina, Doctor of Sciences (History), Leading Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences. Address: 123001, 30/1 Spiridonovka st., Moscow, Russian Federation. E-mail: ns_inafr@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 25.04.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 21.09.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 11.12.2024